

40

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СПУСТЯ

5 ИЮНЯ 1998 Г.

ТРУД-7

Хорошее кино, как хорошее вино: чем старше, тем оно лучше. Четверть века не сходит с экранов картина Владимира Мотыля "Белое солнце пустыни". Товарищ Сухов, Абдулла, Саид, Петруха, Гюльчатай — все помнят имена героев этого фильма. А вот про актеров и актрис часто забывают. Многие ли, например, знают, что Гюльчатай (Татьяна Кузьмина) работала уборщицей, а Петруха (Николай Годовиков) восемь лет отсидел в тюрьме? Кстати, живут они в одном городе — Санкт-Петербурге и даже дружат семьями. Нам показалось интересным встретиться с ними обоими.

— Таня, вы великолепно сыграли женщину Востока, а откуда вы родом сами?

Т.К.: — Я русская, родилась в Тверской области, в деревне Самша. Моя мама — мать-героиня, у нее было десять детей, я в семье пятая.

— Каким ветром вас занесло в большое кино?

Т.К.: — Я прогуливала урок в балетном училище имени Вагановой и попала на глаза киношникам, которые искали девочек для гарема Абдуллы. Мне было всего 16 лет, и я очень испугалась, подумала, что сейчас меня поведут к директору за то, что я прогуливаю.

— Николай, а ваш путь в кино был столь же случаен?

Н.Г.: — Нет, я рано начал сниматься. Когда мне было 15 лет, я снялся в "Республике ШКИД" Геннадия Полоки. Потом Полока же пригласил меня в картину "Женя, Женечка и Катюша". И он же подсадил Мотылю взять меня в картину "Белое солнце пустыни".

— С каким чувством вы вспоминаете о съемках этого фильма? Что это было — веселое приключение или тяжелый труд?

Т.К.: — Мне приятно вспоминать о них. Это было как выходной день после тяжелой рабочей недели. Я была в группе самая молодая, ребенок, можно сказать. Все меня любили, оберегали, заботились обо мне.

Н.Г.: — Это был труд, но труд в радость. Картина снималась на большом подъеме. Все, включая костюмеров и плотника, вбивающего гвозди, чувствовали себя творцами.

— Вы долго репетировали сцены, прежде чем звучал сигнал: "Мотор!"?

Н.Г.: — Как таковых репетиций у нас почти не было. Режиссер объяснял свои задумки — и пошло-поехало. Мотыль позволял актерам импровизировать. Я к нему очень хорошо относилась, хотя он и садист.

— Серьезно?

Н.Г.: — Узурпатор страшный! Меня на съемках прохватила дизентерия, и когда снимался эпизод, в котором я прошу Гюльчатай открыть личико, у меня была температура под сорок. Говорю Мотылю: "Владимир Яковлевич, больше не могу". Он стал меня уговаривать: "Коля, ты представляешь, сколько времени и средств будет потеряно, если мы отменим съемку?" В итоге сняли мы этот эпизод, отошел я в сторону и упал без сознания. В машине Мотыля меня и увезли со съемочной площадки.

— Одна из самых ярких сцен фильма — Верещагин в исполнении блистательного Павла Луспекаева в обнимку с ослепевшим Петрухой поет песню про госпожу удачу. Что вы пили в этой сцене на самом деле?

Н.Г.: — Газировку. Еще Станиславский говорил: никогда нетрезвый актер не сыграет пьяного лучше, чем трезвый. На съемках мы были строго трезвые, а после съемок, конечно, позволяли себе. Когда снимали в Сосновой поляне — филиале Ленфильма, там по соседству был небольшой магазинчик. Мы ездили к нему на "козлике" втроем — я, Луспекаев и Кузнецов, исполнитель роли товарища Сухова. Подъезжали, и меня, как самого молодого, посылали: "Ну, Николай, вперед!" Почему-то всегда покупали девять маленьких. Помню, Мотыль все время к нам напрашивался, а Пал Борисыч Луспекаев ему говорил: "Владимир Яковлевич, у вас есть своя "Волга", вот и катайтесь на ней."

— Луспекаев в это время был уже тяжело болен?

Н.Г.: — Да, у него были ампутированы ступни ног, он ходил на протезах. Ему было очень трудно, но

эпизодов фильма. Как, впрочем, и гибель таможенника Верещагина во время взрыва на шхуне...

Н.Г.: — А вы знаете, что сначала Верещагина хотели оставить в живых — якобы он уплывал на шхуне. Собирались снимать вторую серию картины про него. А финал задумывался такой: прошло много лет, советская власть установилась в Средней Азии, басмачей больше нет. И товарищ Сухов волею судьбы опять попадает в те же места, где он воевал. Там идет мощное

потом меня подлечили в тюремной больнице и осудили на год.

— В зоне вас узнавали как Петруху? Вы пользовались там какими-то привилегиями?

Н.Г.: — Я бы не сказал, что меня особенно узнавали, а сам я не кричал на каждом углу, что я Петруха. Там вообще нет такого понятия — привилегии. В этом институте жизни человек настолько высвечивается, оголяется, что всем все видно. Авторитетный, уважаемый на воле человек может там опуститься или

Н.Г.: — О чем вы говорите! Знаете, до смешного доходит: когда проводили в Питере фестиваль "Золотой Остап", то пригласили на него и исполнителя роли Абдуллы Хаки Кавсадзе из Грузии, и Анатолия Кузнецова из Москвы... А из питерцев, работавших на картине, никого, даже оператора-постановщика не пригласили. О нас с Татьяной уж и говорить нечего.

Т.К.: — Когда фестиваль кончился, мне позвонили и сказали: "Что же вы не пришли? Вам и место в зале было забронировано." Не нашли даже приличной отговорки. А летом меня пригласили на фестиваль в Сочи. Сказали: "Танечка, мы так рады, что вас нашли. У нас для награждения актрис предусмотрены необычные призы — золотая, серебряная и бронзовая Гюльчатай."

ГЮЛЬЧАТАЙ ОТКРЫВАЕТ ЛИЧИКО

• Петруха (Н. Годовиков) и Гюльчатай (Н. Кузьмина) дружат семьями.

он старался этого не показывать. После съемки всегда отходил в сторону, садился у моря, опускал ноги в воду — и у него аж слезы были на глазах. От меня он не скрывал своих эмоций. Я был доверенным лицом его жены, и, когда она уезжала в Ленинград, всегда просила: "Коля, ты не похвещешь у дяди Паши, пока меня не будет?" И я всегда жил у него в номере.

Он мне много чего рассказывал. Несмотря на разницу в возрасте, у нас с Павлом Борисовичем были чудные отношения. Мне кажется, он меня очень любил и относился ко мне, как к сыну. Может быть, потому что у него была дочка, а любой мужик в глубине души мечтает о сыне. Когда Пал Борисыч не стало, я служил в армии, в Сибири. Его родные прислали мне телеграмму с приглашением на похороны, но меня, к сожалению, не отпустили.

Т.К.: — Во время съемок "Белого солнца..." Коля все-таки больше общался с актерами, чем я. А меня так: взяли, привезли, сняли и увезли. Я ни с кем и не разговаривала толком. Разве что с Колей мы немножко общались.

— Еще бы, ведь Петруха по роли хотел жениться на Гюльчатай...

Т.К.: — Да, и когда я смотрю наш последний кадр, где и Петруха убит, и Гюльчатай убита, у меня все время возникает одна и та же мысль: "Наконец-то он увидел мое личико". Оно все время было закрыто, а тут открыто, и его голова ко мне повернута.

— Смерть Петрухи и Гюльчатай — один из самых драматичных

строительство, и Сухов встречает тех же женщин из гарема Абдуллы. Они что-то строят — в грязи, в пыли — и все такие счастливые!

— Нашим читателям было бы интересно узнать, как сложилась ваша дальнейшая жизнь.

Т.К.: — После окончания балетного училища я работала в танцевальном ансамбле в "Ленконцерте". У меня прекрасный муж, композитор Геннадий Кузьмин. Он пришел в наш коллектив, и, как говорится, Господь нас соединил. У нас двое детей — Сереженька и Машенька.

Н.Г.: — Сразу после съемок картины, я ушел в армию, там и увидел первый раз фильм полностью. Вернулся из армии, опять начал сниматься. Но мне не повезло: в 1977 году я получил проникающее ранение в область сердца. После выписки из больницы работал грузчиком — в магазине, на кожевенном заводе, на дрожжевом. Но мне было очень тяжело работать, ведь после ранения образовались свищи, которые никак не заживали. А каким работягам охота таскать за меня ящики? Ну и, естественно, какое-то время я не работал. А раньше ведь как было: четыре месяца в году не работаешь, значит, тунеядец, можно сажать. В 1980 году, накануне московской Олимпиады, милиция объявила всеобщую операцию "Трутень". У нас все тюрьмы были переполнены "трутями". И меня посадили в "Кресты". Первые два суда меня вообще отказались судить, узнав о моем здоровье. Ну а

его опустят — смотря как он себя покажет. Вообще там как себя поставишь, так и будешь там жить — все от человека зависит.

— Что было с вами дальше?

Н.Г.: — Освободился из зоны — ни жилья, ни прописки, ни работы. Бомжевал, ночевал по чердакам и подвалам, ходил в каком-то потертом ватнике. Потом на одной квартире познакомился с вором и они, если честно, очень мне тогда помогли. Они дали мне сразу 500 рублей — по тем временам деньги немалые, одели с ног до головы, обули. Причем сказали: "Мы ничего от тебя не требуем, устраивайся и живи". Но я человек очень благодарный по натуре, и когда им нужно было помочь, я сам предложил свои услуги и пошел с ними на кражу. В результате получил новый срок, отсидел четыре года. Потом семь лет пробыв на воле. Вроде пошла нормальная жизнь: я сошелся с женщиной, она родила мне сына... Но жизнь не заладилась. В итоге она со своей мамой меня практически выгнали из дома. Опять мне некуда было податься, опять я бомжевал, ну и снова по дурости подписался на кражу.

— Сколько же вы отсидели?

Н.Г.: — В общей сложности восемь лет. В принципе я никого за это не кляну. Во всем, что со мной произошло в жизни, виноват только я один. Как сказала бы Таня, грешен.

Т.К.: — Мы, истинные христиане, не должны обвинять человека во всех грехах. Не проклинать грешника мы должны, а молиться за него, помнить, что Иисус кровь свою пролил и за этого грешника тоже. Некоторые говорят: вот Бог какой нехороший, меня наказал жестоко. А Бог никого не наказывает, наказывает человека его собственный грех. Богом человеку дан разум для того, чтобы человек думал, идти ему на плохое дело или не идти. И тут речь не только о Коле, а обо всех нас. Копни любого человека, который живет без Бога — у всех какие-то тупики, трудности, безобразия в жизни. И у меня то же самое было, пока я жила без Господа. Я, можно сказать, на дне была: и курила, и пила, и чуть по рукам не пошла, пока Господь меня не остановил.

— Николай, а вы верите в Бога?

Н.Г.: — Бог — не Бог, но я всегда верил, что какая-то высшая сила наблюдает за нами сверху, как за муравейником. Единственное, меня всегда поражало, что меньшинству хорошо, а большинству обязательно плохо. Почему столько несправедливости, зла, горя? Ведь по идее черного должно быть столько же, сколько и белого. А несправедливости почему-то гораздо больше, чем справедливости. Почему бы этой силе если не разворошить муравейник, то по крайней мере сделать так, чтобы какая-то гармония в нем существовала? Ведь в природе гармония существует, почему же у нас, людей, ее нет?

— Картина "Белое солнце пустыни" имела огромный успех, в том числе и кассовый. Неужели вам это не принесло никаких дивидендов?

И мы бы хотели, чтобы вы их вручали. "Взяли мои паспортные данные, попросили куда-то не уезжать из города, сообщили, что билет на самолет уже заказан. Сказали, что дорога, питание и проживание за их счет, что я буду купаться в бассейне с морской водой. Я ждала звонка, но так и не дождалась. А потом мои знакомые видели по телевизору, что вручала призы какая-то другая Гюльчатай."

— Прошу прощения за бестактный вопрос, но вам не обидно за себя? За то, что, так ярко стартовав, вы не сделали карьеры в кино?

Т.К.: — Нет, не обидно. Знаете, какая у меня карьера? Я сейчас работаю уборщицей в музее. Все знают, что я актриса, что я Гюльчатай, а я вот хожу с тряпкой в руках и не стесняюсь этого. Славу Господа и благословляю всех людей, которые там работают.

Н.Г.: — У меня жена работает в метрострое, и чтобы не сидеть дома, я пошел работать к ней. Получаю, конечно, раза в два меньше нее, она-то специалист, а я простой работяга. Какой-то специальности я не приобрел, а идти в моем возрасте слесарить, молотком махать... Мне скоро пятьдесят, да и здоровьяшка особого нет. Но дело даже не в этом. Может, и пошел бы, да где сейчас стабильно платят за работу? В метрострое по крайней мере коллектив хороший — симпатичные, интеллигентные люди, с которыми и просто пообщаться приятно.

— Ну а с кино покончено навсегда?

Н.Г.: — Честно говоря, я бы и сейчас с удовольствием снимался. Но именитым режиссерам не до нас, а менее именитые, но не менее талантливые и снимали бы, да не на что — нет средств. Например, очень хороший режиссер Володя Студейников, поставивший "Комедию строгого режима", давно мечтает снять комедию про бомжей. Когда он мне рассказал сюжет, я так хохотал! Он и меня приглашал в картину, но все сегодня упирается в деньги. Он никак не может найти спонсора, хотя мог бы снять этот фильм очень дешево.

Т.К.: — Мне несколько раз звонили, предлагали сниматься. Но если раньше я согласилась бы на любое предложение, то теперь я прежде посмотрю, ознакомлюсь со сценарием. Потому что в кино сейчас очень много мерзости.

— Да, жизнь — жестокая штука, и замечательно, что при всех обстоятельствах вы не утратили оптимизма.

Н.Г.: — А я вообще по натуре своей оптимист и не теряю надежды на лучшее. Меня много раз предавали, но это никак не отразилось на моем отношении к людям. Верю, что в конце концов должно произойти что-то хорошее, мне кажется, что плохого в своей жизни я уже нахлебался достаточно.

Т.К.: — Знаешь, когда это произойдет? Когда к тебе придет покаяние. Когда ты покажешься — не языком, не ухом, а от всего сердца. Тогда будет перемена в твоей жизни, тогда ты познаешь любовь Божию.

Иван СКРЫЛЬНИКОВ.